

18+

КРИСТИН ЭВАНС

КОРПОРАТИВНАЯ

ЭТИКА

Кристин Эванс

Корпоративная этика

«Издательские решения»

Эванс К.

Корпоративная этика / К. Эванс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-693573-0

У нее безупречный вкус, прекрасный английский и умение синхронизировать расписание мужа. Шесть лет назад ее муж, талантливый, но социально негибкий, женился на ней, как на дорогом бизнес-аксессуаре. Она построила его имидж, но он убежден, что купил ее. И что без него она ничего не стоит. И тогда она решает доказать обратное.

ISBN 978-5-00-693573-0

© Эванс К.
© Издательские решения

Содержание

Кристин Эванс	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Корпоративная этика

Кристин Эванс

© Кристин Эванс, 2026

ISBN 978-5-0069-3573-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кристин Эванс

КОРПОРАТИВНАЯ ЭТИКА

Глава 1

Спонжик впитал ровно столько тонального крема, чтобы следов не осталось.

Никто никогда не узнает, что она спала три часа. Илона наклонилась к зеркалу – нос почти касается стекла – и растушевала границу у виска. Идеально. Лицо, которое она надевает по утрам, выглядело отдохнувшим, ухоженным и благодарным.

Благодарность – самое важное. Борис повторял это достаточно часто, чтобы она выучила интонацию.

Телефон завибрировал деликатно, по-деловому. Напоминание: «07:15 – сторис для соцсетей. Свежевыжатый сок». Она взглянула на мужа. Борис сидел во главе стола в идеально выглаженной рубашке цвета слоновой кости, просматривал биржевые сводки и даже не поднял головы. За шесть лет брака он ни разу не спросил, выпалась ли она. Это не входило в перечень допустимых вопросов. Как и «как ты себя чувствуешь», «ты хочешь есть» или «это платье тебе действительно нравится».

Платье было красивым. «Версаче», прошлогодняя коллекция, но кто запомнит? Борис напоминал всё. Если бы оно было прошлогодним, он бы заметил.

Илона подняла телефон, поймала ракурс. Стекланный стол, янтарный сок в хрустале, утренний свет из панорамных окон. Муж читает айпад. Идеальная семья. Никто не увидит, что на ней то же белье, что и позавчера – просто не успела заказать новое, стирка для простых смертных, у них прачечная приезжает по вторникам, – и что левая рука Бориса сжата в кулак так, что костяшки побелели. Тендер. Опять этот тендер.

– Улыбка, – сказал Борис, не отрываясь от экрана.

Она улыбнулась. Тридцать два зуба, ни одной пломбы. Импланты в двенадцать лет, после неудачного падения с лошади. Отец тогда сказал: «Не страшно, дочка. Зубы – это инвестиция». Он оказался прав. Ее улыбка была лучшей инвестицией семьи, пока она не перешла в собственность Бориса.

– Достаточно. – Он махнул рукой, не глядя. – Загружай.

Она загрузила. Через две минуты семь тысяч подписчиков увидят «Утро чемпиона». Через пять – сорок семь лайков. Бизнес-сообщество любит смотреть на успех.

Илона отложила телефон и посмотрела в окно. Сентябрь красиво умирал за стеклом. Березы в ландшафтном саду – сто двадцать тысяч евро за проект – гнулись под ветром. Она вспомнила, как они познакомились.

Шесть лет назад. Агентство «Персона Грата», элитный кастинг для корпоративных мероприятий. Она тогда работала на полставки после курсов – не потому, что нуждалась в деньгах, а потому что родители считали: девушка из хорошей семьи должна быть занята. Искусствоведение, верховая езда, английский с носителем, три стажировки в Лондоне. Идеальный набор для того, чтобы стать чьей-то женой.

Борис пришел в агентство с фотографом. Ему нужна была не жена – ему нужна была упаковка. Он тогда только что получил крупные инвестиции и выглядел соответственно: дешевый костюм, плохая осанка, взгляд человека, который привык, что его не замечают. Но было в нем что-то – Илона тогда еще не умела это называть, теперь умеет: злость. Тихая, сжатая в кулак злость на весь мир, не желавший признавать его гениальность.

Она прошла кастинг. Не как претендентка на роль жены – как лицо для презентационных материалов. Борис заплатил агентству восемь тысяч евро за съемку, где она, в роли его супруги, подавала завтрак в постель, поправляла галстук, смотрела с обожанием. Через месяц он сделал предложение. Ей было двадцать три.

– Ты понимаешь, – сказал тогда отец, – это твой шанс. Такие мужья не каждый день встречаются.

– Какие?

– Состоятельные. Перспективные. – Отец замылся. – И некрасивые. Красивые мужья требуют слишком много подтверждений собственной значимости. А этот будет благодарен.

Отец ошибался. Борис не был благодарным. Борис был уверен, что купил ее.

– Что ты там застыла? – Голос мужа вырвал ее из воспоминаний. – У тебя через час пилатес. Не опаздывай.

Она кивнула. Пилатес. Дважды в неделю, обязательно, потому что у женщины после тридцати «всё начинает течь». Его слова. Она запомнила.

Илона встала из-за стола, унесла тарелку. На тарелке – нетронутый омлет с трюфелем. Она его готовила, нарезала трюфель тончайшими пластинами, посыпала розовой солью. Но есть не могла. Уже полгода у нее стоял ком в горле каждый раз, когда она садилась за этот стол. Еда перестала быть едой. Еда была ритуалом, сервировкой, частью картинки.

На кухне она остановилась перед зеркалом в рост человека. Отражение смотрело с идеально выверенной дистанцией.

«Кто ты?» – спросила она молча.

Отражение не ответило. Оно только повторило ее жест – поправило выбившуюся прядь у виска. Илона вдруг остро, до физической боли, захотела увидеть свое лицо без фильтра. Не то, которое надевала по утрам. А то, что оставалось внутри, – усталое, с серыми кругами под глазами, с губой, закушенной в три часа ночи, когда она смотрела в потолок и считала трещины.

Но трещин в потолке не было. Ремонт делали три года назад, итальянские мастера, двести тысяч евро.

– Илона! – крикнул Борис из столовой. – У тебя в телефоне уведомление. Кто-то лайкнул мою вчерашнюю фотографию? Посмотри активность.

Она посмотрела. Активность была высокой. Борис удовлетворенно хмыкнул.

Она вернулась в столовую убирать его посуду. На тарелке осталась половина омлета – он тоже почти не ел. Это было единственное, в чем они совпадали: оба разучились получать удовольствие от еды. Только он не замечал этого, а она замечала слишком остро.

Илона взяла его чашку из-под кофе. На фарфоровом доннышке остался коричневый след. Она машинально потерла пальцем, стирая. Пальцы у нее были тонкие, с идеальным маникюром. Бежевый, «пыльная роза», номер 247 по каталогу. Она не выбирала этот цвет. Мастер сказала: «Этот сезон – пыльная роза, все клиентки Берри берут». Она кивнула.

За окном ветер усилился. Березы кланялись почти до земли. Илона вдруг вспомнила, как в детстве любила осень – за запах прелых листьев, за возможность надеть любимый сиреневый плащ, за то, что можно ходить по лужам. Теперь она носила только замшу и не могла позволить себе намочить ноги. Замша – капризный материал. Как и она сама. Борис часто повторял: «Ты капризная, Илона. Я даю тебе всё, а ты всё время чем-то недовольна».

Она не была недовольна. Она была пуста.

В семь сорок пять Борис уехал. Хлопнула тяжелая дверь, заурчал двигатель «Мерседеса», охрана открыла ворота. Тишина опустилась на дом, как стеклянный колпак. Илона постояла посреди столовой, прислушиваясь. Ей показалось или действительно так громко тикают часы? Она их никогда раньше не слышала. Или просто научилась не слышать.

Она медленно подошла к шторе. Борис вчера поправил ее – сказал, что висит криво. Илона посмотрела на ровные, строгие складки. Штора висела идеально. Так идеально, что казалась ненастоящей. Как всё в этом доме. Как она сама.

Илона дернула шнур. Штора поползла в сторону, обнажая окно. Серое небо, мокрые березы, пустая улица. Она стояла и смотрела, как капли дождя стекают по стеклу. Никто не видел ее лица. Никто не требовал улыбаться.

Можно было не улыбаться целых десять минут.

Она позволила себе эту роскошь – побыть никем. Просто женщиной у окна, без роли, без функции, без задачи. Просто Илоной. Или даже не Илоной – имени у этой женщины не было. Было только тихое, безнадежное знание: так больше нельзя.

Но как иначе – она не знала.

Восемь утра. Пора собираться на пилатес. Она отошла от окна и, проходя мимо зеркала, снова натянула улыбку. Как перчатку. Как тональный крем. Как фамилию, которую взяла шесть лет назад и которая так и не стала своей.

– С добрым утром, – сказала она отражению.

Отражение кивнуло.

Оно всегда кивало. Оно не умело спорить.

Глава 2

Борис назначал «обратную связь» по понедельникам в одиннадцать утра.

Илона никогда не спрашивала, почему именно в это время. Она просто являлась в его кабинет с блокнотом и ручкой – черный «Монблан», подарок на третью годовщину. Борис дарил ей только полезные вещи: ручки, ежедневники, органайзеры. Инструменты для работы. Потому что быть его женой – это работа. Он никогда не произносил этого вслух, но она усвоила с первого месяца.

– Присаживайся. – Борис указал на стул напротив. Не на кожаный диван у окна, не в кресло для гостей. Именно на этот стул – жесткий, с прямой спинкой, для подчиненных.

Она села. Положила блокнот на колени. Ручку – поверх блокнота. Руки – поверх ручки. Позвоночник – ровно, лопатки сведены. Одиннадцать ноль-ноль.

– Вчерашний ужин, – начал Борис без предисловий. – Разберем ошибки.

Илона приготовилась записывать. Она знала этот сценарий наизусть, но роль требовала внимания. Искреннего, благодарного внимания к его замечаниям.

– Твоя улыбка финну. – Борис сощурился, вспоминая. – Петри, кажется. Или Пекка? Неважно. Ты улыбнулась ему трижды за вечер. Это много. Создает ложное впечатление доступности.

– Я пыталась быть дружелюбной, – сказала она ровно. – Он женат, дети, консервативные взгляды. Дружелюбие располагает.

– Дружелюбие располагает. – Он передразнил ее интонацию. – Ты думаешь, я не знаю, как располагать партнеров? Я двадцать лет в бизнесе. Твоя задача – быть фоном. Элегантным, ухоженным, молчаливым фоном. Фон не улыбается трижды. Фон один раз улыбнулся – и всё.

Она кивнула, записала: «Улыбка – дозированно».

Борис откинулся в кресле. Скрипнула кожа. Он смотрел на нее с выражением, которое трудно было назвать человеческим – скорее инспектирующим. Как на сломанный прибор, который никак не удается настроить.

– Декольте. – Он поморщился. – Ты вчера была в темно-синем?

– В сапфировом. «Армани», осень-зима.

– Неважно. Декольте открывало плечи. В присутствии северных партнеров это читается как излишняя расслабленность. Они люди строгие, протестантская этика. Жена не должна выглядеть... – он подбирал слово, – ...доступной для чужих глаз.

Илона промолчала. Платье было закрытым, с воротником-стойкой, и открывало ровно столько, сколько требовал этикет. Она знала это точно – консультировалась с имиджмейкером перед мероприятием. Но спорить было бессмысленно.

– Поняла, – сказала она. – Закрытые фасоны.

– Хорошо. – Борис выдохнул, немного успокаиваясь. – Дальше. Ты говорила с женой Соболева о его коллекции марок. Зачем?

– Она сама начала. Хотела поделиться, что они купили редкую марку на аукционе. Я поддержала беседу.

– Ты поддержала беседу. – Борис повторил это с интонацией, от которой у Илоны похолодели пальцы. – А Соболев в это время смотрел на нас. Я видел его взгляд. Он думал: у Бориса жена говорит о марках – значит, у Бориса есть свободное время на марки. Значит, Борис недостаточно занят бизнесом. Ты подставила меня.

– Я не...

– Ты не думаешь. – Он перебил ее, даже не повышая голоса. – В этом твоя проблема. Ты исполняешь, но не думаешь стратегически. Я плачу имиджмейкерам, стилистам, диетологам – за что? Чтобы ты наводила тени на плетень с женами конкурентов?

Илона молчала. Внутри, где-то в районе солнечного сплетения, разрасталась холодная тяжесть. Она знала это чувство – оно приходило каждый понедельник в одиннадцать и уходило только к вечеру, вытесненное валом других задач.

– Теперь план на месяц. – Борис открыл ежедневник. – Четверг, прием в честь открытия технопарка. Твое платье – серое, мы обсуждали. Без блеска. Без украшений, кроме обручального кольца. Ты – статус, а не новогодняя елка.

– Серое, – повторила она, записывая.

– Двадцать третьего – ужин с инвесторами из ОАЭ. Здесь нужна твоя магия. – Борис криво усмехнулся, вкладывая в слово «магия» столько сарказма, что оно рассыпалось в пыль. – Они любят, когда жена принимает участие в сервировке. Помнишь? В прошлый раз ты лично наливала чай. Сработало. Сделай так же.

– Хорошо.

– И еще. – Борис помедлил. – Ты знаешь Макса Ветрова?

У Илоны ровно дрогнули ресницы. Только ресницы. Лицо осталось бесстрастным.

– Ветров? Кажется, встречала на прошлом форуме. Высокий, седой...

– Он не седой, он крашеный. – Борис оборвал ее с неожиданной злостью. – Под породистую седину. Пижон. Думает, если поседел, то сразу Дэвид Бекхэм.

Илона молчала, ожидая.

– Этот сучонок опять перебежал мне дорогу. – Борис выплюнул слова, как испорченную еду. – Тендер на модернизацию «Металлоинвеста». Шесть месяцев работы. Я выстроил всю стратегию, лег под их условия, а он на последней неделе впрыгнул с демпингом. Нечестно, подло, но ему плевать. У Ветрова нет этики.

– Сожалею, – сказала Илона ровно. – Это несправедливо.

– Справедливость – для слабаков. – Борис резко захлопнул ежедневник. – Я его сделаю. Не сейчас, так позже. У Ветрова рыльце в пушку, я копну глубже – найду. Все что-то скрывают.

Он посмотрел на Илону долгим, изучающим взглядом. Она не отвела глаз. За шесть лет она научилась смотреть в ответ не мигая. Это было единственное оружие, которое у нее осталось.

– Ты его не знаешь, – сказал Борис наконец. – И не надо. Держись подальше. Мне не нужны лишние сплетни.

– Разумеется.

– Свободна.

Илона встала. Блокнот в руку, ручку в блокнот, улыбку на лицо. Она уже дошла до двери, когда Борис окликнул:

– Илона.

Она обернулась.

– Штора. – Он указал подбородком в сторону окна. – Ты ее опять сдвинула. Я же поправил.

– Там было серо, – сказала она. – Я хотела света.

– Солнце портит обивку. Диван «Бакстер», итальянская кожа. Триста семьдесят тысяч рублей за погонный метр.

Она молча подошла к окну, взялась за шнур. Медленно, аккуратно, с идеальной ровностью опустила штору. Складка к складке. Свет отрезало, как хирургическим скальпелем.

– Хорошо, – сказал Борис, не глядя. – Иди.

Она вышла.

В коридоре она прислонилась спиной к стене. Холодная штукатурка сквозь шелк блузки. Она закрыла глаза и считала до десяти. Потом до двадцати. На тридцати двух дыхание выровнялось.

«Макс Ветров», – подумала она.

Имя легло в сознание, как монета в пустой колодец. Слишком долго ждало эха.
Она открыла глаза и пошла на кухню – проверить, привезли ли продукты к обеду.
Штора за ее спиной висела идеально. Так идеально, что хотелось разорвать ее в клочья.

Глава 3

Корпоратив проводили в «Метрополе».

Илона знала этот зал наизусть – лепнина, хрустальные люстры, зеркала в тяжелых багетах. Она бывала здесь раз двадцать, всегда в одной роли: жена. Аксессуар при успешном мужчине. Фотография для деловых журналов.

Сегодня что-то было не так.

Она стояла у окна в малой гостиной, за струящимся тюлем, и смотрела, как подъезжают гости. «Бентли», «Майбахи», один самоуверенный «Лексус». Борис о чем-то говорил с Соболевым у фуршетного стола – жестикулировал, сжав губы. Проигранный тендер всё еще сидел в нем занозой.

Илона поправила клатч. Вечернее платье – графит, закрытое, с единственным бриллиантом на шее. Борис одобрил. Минимализм, статусность, никакой «доступности». Она чувствовала себя упакованной в коробку с бантом.

– Волнуетесь?

Голос раздался неожиданно близко. Она обернулась.

Макс Ветров стоял в двух шагах, с бокалом воды в руке. Она сразу узнала его – не по фотографиям в деловой прессе, а по той странной интонации, с которой Борис произносил его имя: «сучонок». В интонации было больше боли, чем злости. Только проигравшие так ненавидят.

Ветров оказался выше, чем она представляла. И старше. Борис говорил «крашеный под седину», но седина была настоящей – неравномерная, с прядями, которые когда-то были темно-русыми, а теперь выгорели до пепла. Лицо усталое, с глубокими носогубными складками. И глаза – внимательные, без хищности. Он смотрел так, будто видел не аксессуар, а человека.

– С чего вы взяли? – спросила Илона. Голос прозвучал ровно, как учили.

– Руки. – Макс кивнул на ее пальцы, сжимающие клатч. – У вас мелкая дрожь. И дыхание поверхностное. Классические признаки.

– Вы психолог?

– Я инженер. – Он чуть улыбнулся, и улыбка сделала его лицо моложе. – Просто наблюдательный. Тензоры, датчики, системы контроля – двадцать лет смотрю на показатели отклонений. Человек – та же система.

– И какие у меня отклонения?

Он помедлил. Взял с подноса проходящего официанта второй бокал – минеральную воду, без газа – и протянул ей. Она машинально взяла. Пальцы действительно дрожали. Ледяное стекло успокоило.

– Вы не хотите здесь быть, – сказал Макс негромко. – Это не вопрос. Это констатация.

Илона промолчала. Она смотрела на бокал в своей руке, на идеальный маникюр, на блики люстр в минеральной воде. Где-то за спиной Борис говорил о чем-то с финнами. Смеялся. Она разучилась различать его смех – настоящий или деловой.

– Почему вы подошли? – спросила она, не поднимая глаз.

– Потому что вы стояли одна и выглядели так, будто хотите провалиться сквозь паркет. – Макс сделал глоток. – Я знаю это чувство. На таких мероприятиях я тоже всегда хочу провалиться. Но у меня преимущество – я здесь главный гость, мне можно быть нелюдимым. А вам нельзя.

– Мне нельзя ничего, – сказала Илона. И осеклась.

Зачем она это сказала? Кому? Первому встречному? Врагу мужа? Она нарушила все мыслимые правила корпоративной этики, все инструкции, все «никогда» Бориса.

– Извините, – сказала она сухо. – Я не хотела...

– Не извиняйтесь. – Макс поднял ладонь, останавливая. – Я не собираюсь использовать это против Бориса. Мне вообще плевать на Бориса. Тендер – это бизнес. Вы – не бизнес.

Она подняла глаза. Впервые за вечер – смотрела прямо, без фильтра, без навязанной роли.

– А кто я?

Макс ответил не сразу. Он смотрел на нее так, будто решал сложное уравнение. Потом сказал:

– Не знаю. Но думаю, что вы сами это узнаете. Рано или поздно.

– Илона!

Голос Бориса врезался в разговор, как скальпель. Она вздрогнула, едва не расплескав воду.

Борис пересекал зал быстрым, жестким шагом. Лицо ничего не выражало, но Илона знала это лицо. За ним клубилась тьма.

– Илона, дорогая. – Голос металлический, светский, с подкладкой изо льда. – Познакомься, это Макс Ветров. Макс – моя жена.

– Мы уже познакомились, – сказал Макс спокойно. – Очень приятно. У вас прекрасная жена, Борис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.